

ПИСЬМА И ДНЕВНИКИ

письма
статьи
дневники

Издание подготовлено
Т.Ф. Прокоповым

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Р32

Дизайн серии *Ивана Ковригина*
Дизайн переплета *Дмитрия Агапонова*

Фото на переплет предоставлено РИА Новости
В оформлении книги использованы фотографии из личного архива
Л.А. Мнухина и фондов Shutterstock

Составление, предисловие, примечания *Тимофея Проколова*

Р32 Революция глазами современников / Сост., предисл., примеч.
Т.Ф. Проколова. – Москва: Издательство АСТ, 2017. – 480 с.; ил. –
(Письма и дневники)

ISBN 978-5-17-0982611-8

Семнадцатый год прошлого столетия... Каким он был и какими были люди, что в нем жили и действовали? Пристрастные, разноречивые суждения о революциях, потрясших Россию, во множестве стали появляться в печати сразу же после свершившихся исторических событий. Первыми, как и ожидалось, выступили прозаики, поэты и публицисты, потом за перо взялись государственные и общественные деятели, политики, генералы и ученые. Среди них

Александр Блок, Зинаида Гиппиус, Иван Бунин, Марина Цветаева, Василий Розанов, Александр Керенский, Петр Краснов, Николай Бердяев.

Искренне и откровенно рассказывают нам авторы этой книги о далекой трагической эпохе, позволяя почувствовать атмосферу тех дней, отголоски которых мы ощущаем до сих пор.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-0982611-8

© А.А. Ахматова, Р. Ивнев, И.Г. Эренбург (наследники), 2017
© Т.Ф. Прокопов, составление, предисловие, примечания, 2017
© РИА Новости
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Роковой год России

Тебе обывательское
– о, будь ты проклята трижды! –
и мое,
 поэтово
– о, четырежды славься,
 благословенная!
В. Маяковский. Ода революции

Пристрастные, разноречивые суждения о революциях, потрясших Россию сто лет тому назад, во множестве стали появляться в печати сразу же после свершившихся исторических событий. Как и ожидалось, первопроходцами в этом выступили писатели. Из них мало кто остался безучастным, равнодушным, не пожелавшим по свежим следам запечатлеть поворотное время, изменившее не только судьбу нашей страны, но и лик всей Европы. Вслед за прозаиками, публицистами, поэтами за перо взялись тогда государственные и общественные деятели, политики и генералы, ученые, особенно те, кто, хотел он того или нет, был-таки вовлечен в только что отшумевшие кровопролития. Их отклики, статьи, воспоминания охотно тиражировались как российскими, так и эмигрантскими издательствами.

В тысячах книг, ныне составивших ценнейшую не только для историков революционную библиотеку, то, что произошло в России 1917 года, современники назвали событиями «роковыми», «главными», «судьбоносными» и даже «сакральными», «священно-заповедными», которыми весь XX век будет окрашен и светло, и трагически. Теперь-то мы знаем, что в мире не нашлось ни одной страны, где бы российские баррикады не получили отзвука, не повлияли бы на государственные, политические, общественные устроения.

И что уж говорить о самой России! Подав пример учительный, обвороживший миллионы людей, ищущих свободы и благоденствия, наша так легко избавившаяся от царя держава за неполный этот год прошла, геройски одолевая дорогу поистине историческую – от монархии к республиканской демократии. При этом республика явилась пред всеми не однозначной, а сразу двух окрасок: у одних «белая», у других «красная». Провозглашены они были соратниками по низвержению державных устоев и земляками (оба из Симбирска) Керенским и Лениным, пока страна в конце концов не завлеклась показавшимися всем лучезарными, но оказавшимися призрачно-обманными идеалами Маркова коммунизма.

В книге, которую вы, читатель, только что открыли, представлены наиболее интересные страницы живых литературно-политических свидетельств писателей, вовлеченных в кровавые пучины Февральского и Октябрьского переворотов. Как и всю страну, это революционное время разделило и наших летописцев на отчаянно противоборствующие станы: одни звали вернуться к императорской державности (монархисты, а также военные, в том числе генерал, писатель, историк Петр Краснов), другие пытались мирными средствами утвердить и узаконить только что рожденную буржуазную демократию (ярким лидером этих выступил Керенский), третьи яростно, Гражданской войной и террором отстаивали пролетарскую диктатуру (так хорошо Лениным объясняемую и теоретически доказываемую в сотнях его трудов). Были баррикады и четвертые, и пятые... И все они – подчеркнем особо – переросли из словесно-дискуссионных ристалищ, ищущих компромиссных договоренностей, в противостояния фронтовые.

В качестве предварения к этой книге расскажем лишь о некоторых из ее авторов, особенно о тех, которые и сами выступили еще и активно действующими фигурантами событий 1917-го.

В ожидании Ленина

Одним из триумфаторов России не только того времени, но и всего XX века, до сих пор недооцененных и до конца не понятых, был и остается Александр Федорович Керенский, несмотря на то, что ныне одна за другой выходят его книги, множатся публикации о нем.

«Поверьте, этот блондин, с прической ежиком, когда-нибудь найдет себя и так широко развернется, что мы только ахнем», – эти слова Александру Куприну сказал Влас Дорошевич еще лет за десять до Февраля на одном громком судебном процессе, когда они оба впервые выслушали защитительную речь молодого Керенского против опытного обвинителя П.Б. Струве. «Право, эти слова были пророческими», – пояснил Куприн реплику короля русских репортеров позже, в 1917-м, став свидетелем неожиданного и впечатляющего карьерного взлета талантливого адвоката.

«Среди голосов единомышленников и соратников яснее всех слышен его голос, – восхитился тогда писатель, не скупясь на похвалы. – Это голос попоранной правды, страстной ненависти и горячей любви. Как будто бы один человек вмещает в себе всю боль и всю обиду великой, но угнетенной страны. Как будто бы в его груди бьется само сердце народное и в жилах его пульсирует народная кровь. И, может быть, неожиданно для Керенского, к нему инстинктом, ощупью уже тянутся в это время народные симпатии. “Он не оставит, он вникнет, он поймет, он заступится”. И сотнями несутся к нему со всех концов России письма и телеграммы, просьбы и приветствия. Он – свой. И я вижу, как перед ним чудесным образом расширяется арена деятельности: из тесной залы суда в колонную залу Таврического дворца – и еще шире, еще далее – в ту аудиторию, которая зовется родиной»¹.

Куприн, однако, тогда же станет свидетелем и того, как его кумир попал под нападку и хуления, которые создали все более стгушавшуюся атмосферу неприятия Керенского, порожденную прежде всего долго продолжавшимися политическими противоборствами, а еще – примитивным недоброжелательством, тщеславием завистников.

Правда, совсем немного понадобится не лет, а всего лишь месяцев тем, кто хорошо его знал и хорошо о нем высказывался (например, Куприну, Зинаиде Гиппиус, Леониду Андрееву), чтобы от восторженных излияний прийти к оценкам взвешенным, а то и просто недружественным. «Я позволю себе прямо и решительно обвинить А.Ф. Керенского в растрате власти, – так закончит свой очерк «О Керенском» Л.Н. Андреев. – Это он, всегда стоявший во главе Правительства, как бы ни менялся его состав, и руководивший его политикой, – растратил власть; это он, свое личное, субъективное всегда ставивший

¹ *Куприн А.* Сердце народное // Свободная Россия. 1917. 12 июня.

выше объективных велений момента, убил власть и закон, заразил их смертельным недугом своего антигосударственного идеализма. <...> И преклониться перед “обреченностью” Керенского не могу».

За карьерным взлетом Керенского ревностно наблюдали Зинаида Гиппиус, знавшая его уже лет десять, и ее окружение (Д.С. Мережковский, Д.В. Философов, А.В. Карташев, В.А. Злобин, Б.В. Савинков). Всем им в оценке личности Керенского довелось всего за год пройти путь от восторгов до разочарований. Это подробно зафиксировали, в частности, дневники Гиппиус.

«Белая дьяволица», как называли бескомпромиссную поэтессу, наблюдала за Февральской революцией, не выходя из квартиры: все, что делалось в центре восставшей столицы, она видела из своих окон и с балкона. Сюда, на Сергиевскую улицу, 83, где квартировали Мережковские, Керенский то и дело забегал в течение всего 1917 года в каждый свой свободный час: поделиться впечатлениями, повозмущаться («выпустить пар») и успокоенным вернуться в «свой» Таврический дворец. И Гиппиус уже 2 марта записывает: «Замечу следующее: *революционный кабинет не содержит в себе ни одного революционера*, кроме Керенского. Правда, он один многих стоит». А далее вносит в дневник оценку «вечного противника» Керенского Д.В. Философова: «Александр Федорович оказался живым воплощением революционного и государственного пафоса. Обдумывать некогда. Надо действовать по интуиции. И каждый раз у него интуиция гениальная».

Похвалы Гиппиус завершает записью 14 мая: «В скором времени Керенский будет неограниченным властелином России... в ожидании Ленина». А в ноябрьские дни напишет совсем не ожидаемое: «Да, фатальный человек; слабый... герой. Мужественный... предатель. Женственный... революционер. Истерический главнокомандующий. Нежный, пылкий, боящийся крови – убийца. И очень, очень, очень, весь – несчастный». В этих «женских», нервных словах мемуаристки, всегда прямолинейно искренней, отразилась разочарованность в Керенском-вожде, причем не только ее лично (здесь заметим, что в эмиграции и Гиппиус, и другие русские парижане снова будут восторгаться Керенским, правда, говоря при этом, что и он стал другим).

По общему признанию мемуаристов, будучи персонажем первейшим в социальной катастрофе, потрясшей Россию в 1917-м, Керенский неожиданно оказался и первой же мишенью для обвинений во всем и вся. Но тут мы должны согласиться с ним самим, когда он нам объясняет, что «водovorот

страстей и амбиций» вряд ли мог быть подходящим для взвешенных оценок. Ведь даже десятилетий не хватило на то, чтобы найти-таки ответ, кем же он был явлен России: ее «мессией», «народным вождем» (Куприн), «кумиром», «душою революции» (министр В.М. Чернов), «поэтом демократии» (меньшевик Н.Н. Суханов), «Гамлетом» (министр А.И. Шингарев)? Или же ее «величайшим злым гением» (историк Ю.В. Готье), «печальным и жутким образом обреченного» (Л.Н. Андреев), «временщиком исторической минуты» (Л.Д. Троцкий), «русским Бонапартом» (Ленин), «маленьким Наполеоном, у которого вскружилась голова» (британский посол Дж. Бьюкенен), «Геростратом-разрушителем» (монархист, правый депутат Думы В.М. Пуришкевич)?..

С высот нынешних дней, однако, видится, что свидетели той поры, выступившие разгоряченными обвинителями, были справедливы совсем не в полной мере, а только частично: в их суждениях и осуждениях легко обнаруживаются и предвзятости, и ошибочности, и даже злонамеренности. Публикуемые в нашей книге мемуарные свидетельства помогают понять, каким на самом деле предстал Керенский перед общественностью сто лет тому назад, в те годы, когда Россия ввергалась в кровавые социальные катастрофы, изменившие ее судьбу на все последующие времена.

Чего ждали от Керенского? Что из грандиозных замыслов ему осуществить удалось и что осталось лишь провозглашенным в его, например, бесчисленных речах 1917 года (из них самые первые в нашей книге)? К воспоминаниям и размышлениям об этом Александр Федорович и сам возвращался в течение всей своей жизни, написал об этом несколько книг и сотни статей. Из тех почти восьми месяцев, в которые находилось у власти Временное правительство, редко какой день остался не описанным мемуаристами и не исследованным учеными. Из тысяч событий, наполнявших исторические дни России, напомним лишь о тех, которые Керенский сам выделил особо как важнейшие в своей судьбе, а также о тех, которые до сих пор остаются спорными и недостаточно исследованными.

Главным итогом Февральской революции Керенский справедливо считал то, что в России впервые за ее тысячелетнюю историю установился строй свободы, равенства и социальной справедливости. Фундаментом новой демократии стали «все гражданские и политические права человека и гражданина» («О революции 1917 года»). «Я категорически утверждаю, – писал Керенский, словно отвечая сразу всем своим обвинителям, нынешним и будущим, – что

Временное правительство, опираясь на все здоровые и демократические силы государства, целиком выполнило свой долг: после падения монархии в кратчайший срок весь государственный, административный и хозяйственный аппарат государства был перестроен на твердых началах политической и социальной демократии. Никакая дальнейшая демократизация была невозможна – она бы вела к абсурду; через абсурд – к диктатуре» (что позже как раз и продемонстрировали миру большевики).

Здесь уместно назвать тех, кто разделил с Керенским бремя ответственности за государственные решения начальных месяцев революции. О них, своих товарищах, Александр Федорович позже напишет благодарно и уважительно: «Имена руководителей первого республиканского российского правительства служат символами той России, которая столь мужественно боролась за собственное существование как свободного, независимого государства»¹. В первый состав Временного правительства вошли министр-председатель и министр внутренних дел князь Г.Е. Львов (лидер земства), министры: иностранных дел – П.В. Милюков (кадет), военный и морской – А.И. Гучков (октябрист), путей сообщения – Н.В. Некрасов (кадет), торговли и промышленности – А.И. Коновалов (прогрессист), финансов – М.И. Терещенко (кадет), просвещения – А.Ап. Мануйлов (кадет), земледелия – А.И. Шингарев (кадет), юстиции – А.Ф. Керенский (трудовик, с марта эсер), обер-прокурор Синода – В.Н. Львов (центрист), государственный контролер – И.В. Годнев (октябрист).

«Нас было одиннадцать, – вспоминает Керенский, – “десять министров-капиталистов” и один “заложник демократии” (он сам. – *Т.П.*). Перед нами стояла тройная задача совершенно нечеловеческой трудности. Мы должны были: 1) восстановить весь аппарат управления государством сверху донизу; 2) продолжать во что бы то ни стало войну и 3) в срочном порядке провести ряд крупных политических и социальных реформ, которых требовала революция» («О революции 1917 года»).

Именно этот «капиталистический» состав Временного правительства осуществил во многом успешно «тройную задачу нечеловеческой трудности», преодолевая сопротивление Совета рабочих и солдатских депутатов, топившего решения в говорильне. Назовем самые важные из новаторских реформ. Кабинет министров упразднил нетрудовое землепользование и земледелие,

¹ *Керенский А.* Русская революция. 1917. М., 2005. С. 9.

подготовил положение о самоуправлении земств и городов на основе всеобщего избирательного права без различия пола, установил рабочий контроль на фабриках и заводах, предоставил широкие права профсоюзам, ввел восьмичасовой рабочий день на всех казенных заводах, разработал основы самого современного кооперативного законодательства, дал солдатам все права граждан вне строевой службы, положил начало переустройству империи в федерацию свободных народов (заметим: всё это же в октябре подхватят и присвоят, превратят в свои лозунги большевики). Ленин еще в преддверии «своего» переворота вынужден был признать: Февральская революция «сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему *политическому* строю догнала передовые страны»¹.

Из «тройной задачи», как вспоминал Керенский-юрист, законодательное социально-политическое реформирование было для министров сравнительно легким. А вот непривычным и трудным для них явилось управление (они едва с ним справлялись), «в узком смысле слова – правительственная деятельность, требовавшая в хаосе революционного взрыва весьма сильного административного и полицейского аппарата, который еще нужно было создать. Нужно было создать технический аппарат, и нужно было восстановить авторитет власти». Немаловажно при этом отметить, что возглавившая страну буржуазно-демократическая власть, к ее чести, верно избрала тогда основные векторы своей деятельности – политику национального единения, смягчения классовых антагонизмов, предотвращения гражданской войны, политику сотрудничества всех партий, политику компромисса, соглашений и взаимных уступок.

И еще одно обстоятельство остановило внимание мемуаристов (о чем сам Керенский скромно умалчивал): в дни Февраля не премьер Г.Е. Львов, а именно он, единственный социалист в правительстве, оказался самым нужным, востребованным более, чем кто-либо другой. Керенского всюду ждали, без него решения не принимались.

Сутками не выходил Керенский из Таврического дворца, забывая о еде, сне и отдыхе. В напряженной спешке, но внимательно и капитально в те «судьбоносные дни» создавались первые законы, манифесты, декреты демократической власти, решительно утверждавшей приход в Россию небывалой дотоле эпохи.

К этому времени относится первая и единственная встреча Керенского с Лениным. Произошло это на Всероссийском съезде Советов рабочих

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 34. М., 1969. С. 198.

и солдатских депутатов, где они 9 июня обменялись резкими выступлениями друг против друга. Ленин, выслушав заявление министра Церетели о том, что в России нет политической партии, готовой взять власть, сказал: «Я отвечаю: “Есть! Ни одна партия от этого отказываться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком”»¹. Как вспоминает участник съезда Федор Степун, «Ленину с большим ораторским подъемом и искренним нравственным негодованием возражал сам Керенский. С легкостью разбив детски-примитивные положения Ленина, он все же не уничтожил громадного впечатления от речи своего противника, смысл которой заключался не в программе построения новой жизни, а в пафосе разрушения старой».

«Не знаю, о чем думал Ленин, слушая меня, – вспоминает и сам Керенский. – Даже не знаю, слушал ли он или прислушивался к реакции присутствующих. Он не дождался конца моей речи, покинул зал с опущенной головой, с портфелем под мышкой, почти незаметно прошмыгнув между рядами»². Вслед за Лениным ушли и его сподвижники: их с нетерпением ждали в другом месте – там, где спешно готовилось вооруженное выступление под большевистским лозунгом «Долой министров-капиталистов!».

Заявленная Лениным на съезде Советов попытка вырвать власть у «временных» стала эпицентром правительственного кризиса. «Кризис неслыханных размеров надвинулся на Россию...»³ – писал Ленин. 3–5 июля ленинцы решились даже на восстание, что явилось полной неожиданностью для Керенского. Тогдашние политтехнологи предостерегали его от «правой» опасности, когда из правительства вышли сразу три кадета, создав тем самым министерский кризис. Но беда пришла с прямо противоположной стороны – слева: большевики впервые громко заявили о себе.

Немало навредили тогда Временному правительству и лидеры Совета рабочих и солдатских депутатов, большинство которых «просто не знало, что же еще можно делать в жизни, если не заседать, не обсуждать докладов, не выносить резолюций и, главное, не бороться с правительством» (Ф.А. Степун). Б.В. Савинков неспроста обозвал этот все более обольшевчивавшийся орган

¹ Ленин В.И. Указ. соч. Т. 32. С. 267.

² Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 200.

³ Ленин В.И. Там же. С. 362.

власти «Советом рачьих, собачьих и курячьих депутатов», пытаясь предупредить Керенского о чрезвычайной опасности слева, обратить его внимание на то, что совсем уже скоро станет ясно всем.

По странной случайности, 3–6 июля сошлись два события, которыми «Россия была потрясена и ошеломлена»: «скомбинированным ударом – большевистской попыткой “прорвать внутренний фронт” в Петербурге и действительным прорывом фронта 11-й армии немцами у Тарнополя». Ленинский удар в спину революции, отмечает Керенский, был отбит «почти мгновенно»: уже через день правительственные войска заняли «ленинскую цитадель» – особняк Кшесинской. Тогда же по распоряжению военного министра Керенского были арестованы главари и участники восстания Л.Д. Троцкий, Ф.Ф. Ильин (Раскольников), Л.Б. Каменев, А.В. Луначарский, А.М. Коллонтай и другие. Избежали тюрьмы только Ленин, Г.Е. Зиновьев, А.А. Парвус, Я.С. Ганецкий и С.Г. Рошаль, успевшие скрыться в Финляндии. Однако напугали они многих.

Среди испуганных оказался глава Временного правительства Г.Е. Львов. Деликатный князь-миротворец, устраивавший и левых, и правых, вынужден был срочно просить об отставке, а уходя, сказал: «Для того чтобы спасти положение, надо было разогнать Советы и стрелять в народ. Я не мог этого сделать. А Керенский это может». Но Львов ошибался: «разогнать», «стрелять» – означало выступить диктатором. Гуманист и демократ Керенский, решительный противник любой диктатуры, этого сделать тоже никак не мог. Он и против бунта генерала Л.Г. Корнилова выступит только для того, чтобы не дать восторжествовать диктатуре генеральской, которая, как он считал, страшнее любой другой.

8 июля был сформирован второй коалиционный кабинет, объявленный «правительством спасения революции». В нем Керенского избрали председателем с оставлением за ним поста военного и морского министра. В состав коалиции наряду с известными (Н.В. Некрасов, ставший заместителем председателя, М.И. Терещенко, А.В. Пешехонов, В.М. Чернов) вошли также восемь новых политических фигур. Однако и этому кабинету не удалось вывести страну из состояния разрухи, войны и противоборства полярных политических сил. Керенский, встревоженный более чем когда-либо, созывает Государственное совещание.

Совещание проходило 12–15 августа 1917 года в Москве в Большом театре. В нем приняли участие около двух тысяч представителей партий, организаций,

интеллигенции, военных, духовенства, выступивших за общее согласие, укрепление власти, упразднение Советов. Но единодушие было кажущимся.

На этом совещании Керенский выступил с речью самой продолжительной из всех, которые он когда-либо произносил. В какой-то момент у него вдруг вырвалась фраза, поразившая исповедальной искренностью не политика, а просто человека. На трибуне стоял человек на грани нервного срыва, до предела утомленный борьбой, преодолением нескончаемых препятствий, уставший от напряженных исканий доводов за и против, от пламенных уговариваний, гроссмейстером которых его считали. «Какая мука все видеть, все понимать, знать, что надо делать, и сделать этого не сметь!» – воскликнул он и на целую минуту замолк, борясь с волнением. В этой паузе любимец толпы позволил залу впервые почувствовать, насколько сильна и опасна переживаемая им «агония воли». Вернувшись в столицу, он жалуется Савинкову: «Я умер, меня уже нет. На этом совещании я умер». Всю жизнь от него требовали одного: в каждый миг оставаться сильным – если уж не быть таковым, то хотя бы казаться.

Вспоминая об этом дне и об этой своей слабости, Керенский объяснял: с трибуны совещания ему тогда явственно увиделись две России, «раздвоенная душа Февраля»: «Вся радуга политических мнений, вся гамма общественных настроений, все напряжение внутренней борьбы, вся сила патриотической тревоги, вся ярость социальной ненависти, вся горечь накопившихся обид и оскорблений, – всё это бурным потоком стремилось на сцену, к столу Временного правительства. От него требовали; его обвиняли, ему жаловались; ему хотели помочь; от него ждали какого-то чудесного слова. Каждая из двух Росий хотела, чтобы Власть была только с ней».

В эти дни И.А. Бунин записывает в свой дневник: «13 августа 1917. Кажется, одна из самых вредных фигур – Керенский. И направо и налево. А его произвели в герои». «14 августа 1917. Царские почести Керенскому, его речь – сильно, здорово, но что из этого выйдет? Опять хвастливое красноречье...»

Совещание желаемого результата действительно не дало, а только с еще большей остротой вынесло на поверхность то, что таилось и к чему-то готовилось. Не прошло и месяца, как понадобилось снова перетасовывать и перепоручать правительственные портфели: 26–30 августа страну всполошил мятеж Корнилова. Даже и сейчас историки осторожничают, когда рассуждают о том, кто же был более прав: доблестный генерал, жизни не щадивший в сражениях ради новой России, но вдруг вовлеченный в политические распри, или все-таки

Керенский, не менее генерала желавший России избавиться от терзавших ее смут и стать демократической, свободной республикой?

После «генеральского путча» страну поразил третий жесточайший политический кризис, о котором Керенский рассказывает: «Срочная необходимость принятия немедленных и решительных мер для восстановления потрясенного государственного порядка побудила Временное правительство передать всю полноту своей власти по управлению пяти лицам из его состава». 30 августа – 1 сентября чрезвычайными полномочиями был наделен Совет пяти, в который вошли помимо министра-председателя Керенского его конфиденты: министр иностранных дел М.И. Терещенко, военный министр А.И. Верховский, морской министр Д.Н. Вердеревский и министр почт и телеграфа А.М. Никитин.

Однако «чрезвычайщина» уже не могла спасти страну от падения в пропасть. Становится понятно то, какой в эти дни увиделась Керенскому вся история «его» Февральской революции: он представил ее в виде кривой медленного подъема и затем резкого крушения после заговора Корнилова. «Попытка генеральского восстания, – итожит Керенский, – снова разрушила всякую дисциплину в армии. Убила авторитет не только верховного командования, но и самого Временного правительства». России уже не могли помочь ни «пожарные» меры спасения, намеченные Демократическим совещанием 14–22 сентября 1917 года, ни шаги, предпринятые третьим коалиционным правительством, которое было сформировано 25 сентября. В нем за Керенским опять оставили пост председателя, но добавили к тому назначение Верховным главнокомандующим.

7 октября 1917 года в Мариинском дворце, в резиденции бывшего Государственного совета, Керенский открыл заседание только что созданного Предпарламента (у остряков – «Предбанник», официально – Временный совет Российской республики). Снова собрался весь цвет российской интеллигенции. Среди них – 75 кадетов, к ним примкнули промышленники и землевладельцы, старые октябристы и националисты, делегаты от академиков и профессоров. Журналисты делегировали Леонида Андреева, автора только что всеми прочитанного сборника военной публицистики «В сей грозный час». Демократическое большинство составляли 135 эсеров, 92 меньшевика, 58 большевиков, 30 народных социалистов (здесь заметьте, кого сколько). Керенский от имени демократов писал: «Все эти люди отдавали себе ясный отчет в том, что происходит в России, и прекрасно понимали, что нужно сделать, чтобы спасти ее. Но никто из